

Внезапное повышение по службе — скачок сразу через несколько рангов, — мягко говоря, нарушало установленные предками правила.

Услышав это, Сюй Цзе, всё ещё потягивавший вино, поперхнулся и с легким хмельком в голосе спросил:

— Раз это нарушает установленные предками правила, разве не поднимется в столичных кругах страшный гул критики?

— Критики? — громко рассмеялся Чжао Хуан. — Да нынче во всем дворце от мала до велика найдется ли хоть один чиновник, который осмелится критиковать хоть одно слово Его Величества!

— С чего бы это господину Чжао так думать? — ошеломленно распахнул глаза Сюй Цзе, еще до конца не придя в себя. — Цензоры испокон веков спуска не давали. А у чиновника Лу повышение сразу через четыре ранга! Доносов с руганью в его адрес, должно быть, набралось высотой со стену?

— Кто посмеет! — Чжао Хуан с размаху приложился горлышком кувшина к самому горлу, делая огромный глоток, с грохотом швырнул чарку на стол и пьяно выпалил: — Эй, Сюй Цзышэн, Сюй Цзышэн! Ты и впрямь ничего не понимаешь или прикидываешься дурачком? Вся та каша со второго и третьего годов Цзяцзин, когда буря стояла такая, что страшно вспомнить, — неужто ты о ней ни черта не знаешь?

Сюй Цзе изрядно приложился к вину зимней ночью, и сейчас в нем разыгралась храбрость. Он прямо за столом громко икнул и неторопливо произнес:

— Сюй... Сюй Цзе на втором году Цзяцзин сдал экзамены на звание танхуа, а в то время я еще служил редактором в Академии Ханьлинь.

Чжао Хуан на мгновение замер, лениво переменил позу, уставился на него и протянул:

— Ах ты, Сюй Цзышэн! Всего-то пять лет на чиновничьей службе, а уже дослужился до третьего ранг-чина! Сегодня вовсе не я должен угощать тебя вином — это ты должен выставить мне целый стол!

— Конечно-конечно, — Сюй Цзе почесал в затылке, виновато и чистосердечно улыбнувшись: — На второй год Цзяцзин Сюй только-только ступил во дворец, боюсь, даже людей из Гоцзицзяня толком не знал... Позвольте спросить, братец Чжао, что же тогда произошло?

Чжао Хуан велел наложнице подать еще горячего супа с трезвящими травами и неторопливо заговорил:

— Ты думаешь, Его Величество и впрямь такой мягкий и добрый нравом?

Пять лет назад он был сущий свирепый тигр!

Тогда императору было всего семнадцать. И дело даже не в том, подчинялись ли ему старые сановники при дворе — да даже старый евнух, мывший ему ноги, и тот вряд ли подчинялся по доброй воле!

У покойного императора не было сыновей, и ему пришлось передать великий престол сыну своего младшего брата.

Двоюродный брат — он и есть двоюродный брат. Когда в пятнадцать лет его паланкин доставил к воротам Запретного города, Янь Тинхэ вовсе не собирался позволять ему входить через главные ворота.

— Через Ворота Дунанмэнь? — Сюй Цзе принял у служанки пиалу с отрезвляющим супом и торопливо поблагодарил. Поразмыслив над услышанным, он заметил: — С точки зрения традиций кровного родства... тут есть о чем подумать, и так и этак спорно.

Ворота Дунанмэнь — они ведь предназначались для восшествия на престол наследного принца.

Если бы император тогда стерпел эту обиду, то в дальнейшем, пожалуй, так и остался бы марионеткой в руках Янь Тинхэ.

— То-то и оно, — Чжао Хуан прикинул в уме время и многозначительно произнес: — На первом году Цзяцзин, братец, ты ведь еще грыз гранит науки в родных краях. Знаешь, как поступил тогда император?

Он просто взял и заартачился: если нельзя войти во дворец через Ворота Даминмэнь, то пусть этот императорский трон занимает тот, кому заблагорассудится!

Сюй Цзе, как раз отхлебывавший отрезвляющий суп, чуть не выплюнул его со смеху.

Чжао Хуан вслед за ним хмыкнул, отмахнулся и продолжил:

— Изначально Янь Тинхэ сам подобрал кандидатуру, принял величественную позу ожидания и ждал, пока маленький император соизволит войти во дворец. А в итоге император взял да и собрался поворачивать оглобли обратно домой! Вся ситуация разом перевернулась!

Сюй Цзе слушал с огромным удовольствием и, поддакнув, заметил:

— В итоге это толпа чиновников умоляла его взойти на престол.

Из того, кого благодетельствовали, превратиться в того, о чьей милости молят — какой тонкий ход для столь юных лет.

— Позже Янь Тинхэ так перекоробило от злости, что он напрямую подал прошение об отставке и уехал на родину, а его сын Янь Шэнь принялся делать чиновничью карьеру дальше, — Чжао Хуан подцепил палочками пару кусочков мяса и, жуя, продолжил: — О, это был выдающийся человек! У этого Янь Шэня в столице было прозвище Всезнаец. Если брать чистую эрудицию и глубину познаний в науках, нынешний господин Ван вряд ли смог бы тягаться с ним.

— Тогда конфуцианские чиновники должны были относиться к нему с глубочайшим уважением, — недоуменно произнес Сюй Цзе. — Спереди — заступничество главы кабинета Яня, позади — собственная гремящая на весь мир слава. Этот господин Янь наверняка был самым пробивным человеком при дворе?

Чжао Хуан погрузился в воспоминания о прошлом, сделал еще пару тугих глотков вина и заговорил неторопливо:

— На втором году Цзяцзин произошло ровно два события.

Первое — споры о том, через какие ворота императору надлежит войти во дворец.

Второе — решение вопроса о том, может ли император возвысить собственных биологических мать и отца до титулов Великого императора и Вдовствующей императрицы.

Конфуцианские чиновники уперлись рогом, требуя, чтобы император признал своими настоящими папой и мамой родителей Чжу Хоучжао. И вот вокруг этой, казалось бы, сугубо абсурдной затеи толкотня и грызня продолжались больше года.

За этот год Чжан Цун и Гуй Э благодаря своим статьям о ритуале получили вызов в столицу и зажили на широкую ногу.

За этот год Янь Тинхэ наконец довели до полного душевного и физического истощения, и он сложил с себя полномочия, вернувшись в родные края.

В конце концов, император просто воспользовался спорами о ритуале как поводом, чтобы силой завершить передачу реальной власти в свои руки.

— Стоило Янь Тинхэ уйти, как Янь Шэнь подхватил дело, которое они не успели довести до конца, и объединился с семьюдесятью с лишним сановниками для подачи коллективной петиции, — Чжао Хуан погрозил пальцем. — Мало того, что подали петицию, он созвал более двух сотен чиновников, и все они опустились на колени у Ворот Цзошуньмэнь для сидячей

забастовки. А закончили тем, что стали колотить кулаками в створки ворот и горько рыдать, и этот шум продолжался до самого полудня.

Сюй Цзе на мгновение замер и ошарашенно произнес:

— Если к ответственности привлекли всех этих двух с лишним сотен человек за соучастие... это, пожалуй, было бы затруднительно.

Императору тогда едва исполнилось семнадцать, в его распоряжении почти не было преданных и надежных чиновников. Если бы он вздумал переворошить большую часть высшей столичной знати...

— Император сделал всего одну вещь, — Чжао Хуан выпрямился, и в его взгляде не осталось ни следа хмеля. — Бить.

Бить до тех пор, пока не покорятся.

Лу Бин во главе толпы подчиненных прямо посреди двора сдергивал штаны и пускал в ход палки.

Среди этой оравы те, кто ревел фальшивыми слезами, потом, судя по всему, ревели уже самыми что ни на есть настоящими.

Цзиньвей в тот день явились к Воротам Цзошуньмэнь, поименно записали каждого бунтаря, а затем препроводили всех в темницы для поголовного применения палочных наказаний по высочайшему повелению.

И что с того, что бунтовала половина двора? Непокорных — сечь розгами снова и снова!

Самого упрямого и строптивого Янь Шэня палочным наказанием подвергали аж трижды. Все были уверены, что он непременно умрет, но тот вопреки всему не испустил дух — да так дожил до сегодняшнего дня, когда император призвал его обратно!

Выслушав рассказ Чжао Хуана от начала до конца, Сюй Цзе долго молчал.

Он медленно вздохнул и тихо промолвил:

— Если этот господин Янь так и не научится склонять голову, боюсь, впереди у него сплошной тупик.

Благородная кость конфуцианского ученого порой оказывается лишь тяжелой и никчемной

золотой цепью.

Глава 20

День N-й с тех пор, как Лу Бин уехал. Я скучаю по нему.

Ю Цун, наконец разобравшись с кипой накопившихся докладов, в крайнем унынии растекся по драконьему трону и некоторое время предавался тоске.

Стоит древнему человеку остаться без дела, как ему тотчас становится так скучно, что хоть волоски на голове пересчитывай.

Все эти утонченные стихи и оды времен Вэй и Цзинь, все эти уличные сказы и песенные баллады династий Мин и Цин для современного человека — чистой воды развлечения для пенсионеров...

Если бы какой-нибудь двадцати- или тридцатилетний молодой человек стал наслаждаться подобным, его с вероятностью в девяносто девять процентов сочли бы заносчивым позёром.

Даже если взять Путешествие на Запад и полистать его ради развлечения, так там на каждой странице натыкаешься на гроздь стихотворных строк — и то тоска смертная.

Жажду почитать Боевой континент!

Жажду посмотреть сегодняшний выпуск Наша счастливая семья!

Вышло ли, наконец, продолжение Экстремального вызова?!

Император с тоской вздохнул и продолжил мысленно тосковать по господину Лу, который отправился с инспекцией расследовать финансовые тайны семейства Чжан.

Товарищ Маленький Лу в будние дни грыз с ним вместе арбузные семечки, уплетал виноград, и даже самые невинные шуточки из его уст звучали донельзя забавно.

Сердце Ю Цууна вдруг дрогнуло, и он отчетливо осознал, что дело нечисто.

А ведь он и впрямь заскучал.

В бытность свою в современном мире он, будучи законченным одиночкой, мог запросто флиртовать с каким-нибудь парнем на BULED или хлопнуть коллегу по заднице с шуточкой-прибауткой.

Потребность в общении — это тоже потребность.

Попробуй он сейчас неожиданно хлопнуть по заднице кого-нибудь из Цзиньивей — тот ведь в ужасе округлит глаза и уставится на него как на безумца.

Вот почему социальное неравенство порой — поистине отвратительная вещь.

Хуан Цзинь с опаской поглядывал на императора, который уже добрую половину палочки благовоний свернулся калачиком в драконьем кресле и успел вздохнуть раз эдак три-четыре. Набравшись храбрости, евнух шагнул вперед и осторожно предложил:

— Ваше Величество, ныне нарастаявший снег еще лежит, но дорожки уже почти расчистили — не соизволите ли прогуляться в Императорский сад?

Прежде, когда император носил титул наследного принца, евнух Хуан состоял при нем компаньоном по учебе. Он сопровождал его с малых лет год за годом и всегда превосходно умел угадывать малейшие движения августейшей воли.

Выражение лица Ю Цуна слегка изменилось, он приподнял брови и переспросил:

— В Императорский сад?

Разве это не то самое место, где наложницы устраивают засады на императора?

Он и без того мается от скуки, а тащиться в Императорский сад и становиться там живой мишенью — значит гарантированно навлечь на себя одиозные преследования со стороны оравы юных девиц.

При этой мысли Ю Цун с запозданием сообразил, что уже давным-давно не заглядывал в гарем.

Раньше он через таких шарлатанов вроде даоса Тао Чжунвэня пустил слух, будто является переродившимся божеством Полярной Звезды, носит на себе печать зловещей скверны и после рождения четырех детей ни в коем случае не должен делить ложе с женщинами, иначе те сократят себе жизнь.

Стоило этому слуху разойтись, как все волнения и брожения в задних покоях тут же утихли сами собой.

А он сам сложил с себя полномочия сутенера и со спокойной душой погрузился в государственные дела.

Но...

Если в этом гареме не будет системы повышения рангов, если отсутствуют разумные критерии оценки и отчета, то все те припасы и жалованье, что им выделяют, идут лишь на жратву, питье и раздачу щедрых чаевых евнухам — чистый убыток, совершенно невыгодно!

К тому же, стоит зафиксировать иерархию раз и навсегда без малейших изменений, как во всем гареме тут же пропадет дух здоровой конкуренции.

А без конкуренции невозможно гармоничное развитие, и глядишь, появятся какие-нибудь новые, совершенно неожиданные неприятности.

— Ведите меня во Дворец Земного Спокойствия — и позовите туда же двух главных наложниц вместе с девятью младшими! — император единым движением откинул полы халата и звонко произнес: — Я иду устраивать там собрание!

Лишь когда сам становишься во главе дома, узнаешь цену соли и риса. Пускай вы все здесь императорские жены, а светские рауты и учтивые беседы посещать обязаны — сидеть сычами по комнатам и палить без счета серебро куда не годится.

Стоял глухой зимний день, женщины из Трех дворцов и Шести дворов кутались по своим углам в поисках тепла и коротали время за болтовней, как вдруг по дворам порхнули младшие евнухи, словно воробы. Они разнесли весть о том, что через полпалочки благовоний император изволит пожаловать во Дворец Земного Спокойствия и велел явиться туда всем супругам без исключения.

Вся эта женская артель испытывала одновременно радость и страх. С одной стороны, во дворце и впрямь было одиноко и тоскливо, и если бы император изволил заглянуть и просто перекинуться парой слов, это сошло бы за редкую радость. Но с другой — со времен распространения пророчества того великого даоса они смертельно боялись, что император вдруг выберет кого глазами и неожиданно возжелает возлечь с ними.

Судя по словам великого мастера Тао — о том, что собственных сыновей ей родить точно не светит, и говорить нечего, так еще и проживешь лет на шесть-семь меньше.

Раз уж император не жалуется косметике и румяна, наложницы решили не мудрствовать лукаво и явились к лицу императрицы в самом естественном виде, наскоро приведя себя в порядок.

К тому моменту, как император чинно занял свое место и чай еще даже не успели подать, наложницы уже выстроились ровным рядом за дверями залы, стройной вереницей прошли к императорской чете и дружно склонились в глубоком поклоне, приветствуя повелителя.

Все они были юны, свежи и зелени, как молодые побеги.

— Садитесь все, — Ю Цун и сам не слишком привык к подобным сценам, поэтому лишь напустил на себя строгий вид и осведомился: — Как поживают в последнее время принцы и принцессы?

— Благодарен императорской милости, все изрядно округлились и подросли, — с улыбкой произвела Императрица Чэнь. — После того как указы стали ясными и строгими, прислуга больше не смеет шастать где попало, а амбарные и входные книги проверяются и переписываются ежедневно.

Выслушав ее подробный доклад, Ю Цун медленно кивнул и произвел:

— Я намерен отыскать какой-нибудь центральный просторный зал, убрать оттуда столики и стулья, расставить по углам жаровни с защитными решетками, а по центру застелить мягкие ковры — исключительно для детских игр и забав.

— Это... — ошеломленно произнесла императрица. — Большой зал прибрать несложно, только вот во что же детишкам там играть?

— Деревянные лошадки, кубики, сшитые из ткани котят и тигрят — все игрушки перенесем туда, — с улыбкой ответил Ю Цун. — И пусть тот зал отныне зовется Залом воспитания младенцев, а наложницы смогут сидеть вокруг за чашкой чаю — чем не дополнительное место для встреч и бесед.

— Если впопыхах они станут шуметь и баловаться, вы все проявляйте друг к другу побольше снисходительности, не затевайте свары из-за детей, — император неспешно поднялся на ноги и вдруг отдал приказ: — Подать грифельную доску!

Мгновение спустя два шустрых евнуха проворно вкатили черную лакированную доску и принесли коробку с мелками.

Сама доска была изготовлена из массива дерева, покрыта белой грунтовкой, а сверху залита толстым слоем черного лака.

Мелки, разумеется, изготовили из белого гипсового порошка, плотно спрессовав его в специальных формах.

Еще заседа в Внутреннем кабинете, Ю Цун чувствовал, что без какого-то наглядного пособия в руке ему словно чего-то не хватает.

Пусть сейчас нет возможности пользоваться презентациями в PowerPoint, но уж грифельную доску и мелки смастерить пара пустяков.

— Ныне вас, супруг императора, всего десять человек, — он обернулся и окинул взглядом

ошеломленные лица юных девиц. — Сидеть взаперти в гареме без какого-либо дела, пытаться помогать императрице с мелкими дворцовыми хлопотами — так это вроде как превышение полномочий.

— Не хотите ли... вместе заняться написанием руководства по воспитанию детей?

Стоит подобной книге, созданной в стенах гарема, просочиться за пределы столицы в провинции, как она неизбежно породит волну за волной повального увлечения.

Стоит помнить — все, что происходит за дворцовыми стенами, издавна служит пределом мечтаний для простого народа по всей Поднебесной.

И дело не только в еде и одежде — стоит какой-нибудь дворцовой наложнице нарисовать на лице новый узор румян, как по возвращении в город тысячи девушек и замужних женщин тут же начинают копировать его.

Ю Цун взял в руку мелок и, мысленно подбирая еще не до конца привычные иероглифы традиционного письма, вывел на доске два крупных знака: Воспитание детей.

Он обвел их большой фигурной скобкой и по краям приписал еще два понятия:

Нравственное воспитание. Умственное воспитание.

— Выращивание и воспитание малышей — это целая наука, — он повернулся к девушкам с самыми разными выражениями лиц, прочистил горло и продолжил: — Среди вас есть те, кто уже давно нянчит детей, а есть и те, кто еще не познал радости материнства.

Те, кто уже познал радость материнства, могут вести изыскания и писать труды на эту тему, либо разрабатывать соответствующие развивающие игрушки и учебные пособия, помогающие детям тренировать ум и руки для крепкого здоровья и роста.

Те же, кто еще не рожал, могут расспросить вдовствующих императриц и матерей принцев, перенимая их опыт. — Ю Цун взмахнул рукой, и стоявший рядом евнух тут же преподнес ему увесистую стопку книг. — Что это?

— Девять глав математического искусства, — осторожно подойдя ближе, произнесла наложница Шунь. — А тут еще и Цзо чжуань?

— Даже если малыши вызубрят эти книги наизусть, они все равно не поймут их смысла, — невозмутимо произнес Ю Цун. — Многоуважаемые любимые наложницы могут разобрать эти книги на мелкие части и перевести на тот язык, который детишки способны понять.

Он знаком велел евнухам раздать книги, а сам взял Девять глав математического искусства и невзначай выписал оттуда задачу.

Допустим, имеется поле шириной в пятнадцать шагов и длиной в шестнадцать шагов. Спрашивается: какова площадь поля? Ответ: один му.

Или имеется поле шириной в двенадцать шагов и длиной в четырнадцать шагов. Спрашивается: какова площадь поля? Ответ: сто шестьдесят восемь шагов.

Правило квадратного поля гласит: умножением шагов ширины на шаги длины получаем общую площадь в шагах.

Подобные элементарные задачи по арифметике прекрасно подходят для того, чтобы начать с простого сложения и вычитания, а затем постепенно перейти к умножению, делению и прочим продвинутым темам.

Он вкратце разъяснил им суть дела и на примере этой задачи показал, как именно ее можно переделать и адаптировать.

В древности существовало немало материалов, которые вполне годились на роль пособий для начального образования, все зависло лишь от того, как именно человек их истолкует.

— Я знаю, что некоторые из моих любимых наложниц погружены в Женские каноны и Женскую добродетель и могут не сразу уловить эти концепции, — Ю Цун смягчил взгляд и произнес с предельной серьезностью: — Но стоит вам заучить все как следует, и вы со временем обязательно во всем разберетесь.

Принцы и принцессы могут не понимать, что такое поле — тогда вы можете заменить эти слова яблоками, кукурузой или кусочками сахара, чтобы им было легче во всем разобраться.

Среди жен императора кое-кто закивал головой — очевидно, до них дошло озарение.

— Я также знаю, что среди вас есть искусные в поэзии и песнях, но не обученные научным трактатам, — Ю Цун снова повернулся к доске и вывел на ней несколько крупных знаков:

Детские песенки. Детские сказки. Детские игры.

— Всякий, кто сумеет сочинить песенки для облагораживания детских душ, или написать сказки, или придумать новые игры — все они без исключения получают от меня щедрую награду.

Отныне ваше продвижение по службе и повышение рангов зависят исключительно от ваших

собственных трудов.

И это больше никоим образом не связано с ублажением мужчины.

До тех пор, пока у вас есть собственные исследования и результаты, я никогда не обойду вниманием ни одну из вас.

Ю Цун глубоко вздохнул, подумав про себя, что он только что превратил императорский гарем, служивший прежде для сброса похотливой энергии, в научно-исследовательский центр дошкольного образования и раннего развития.

А мне самому тоже хочется иметь любимого милого мужа, который каждый день будет со мной рядышком, эх...

— Ваше Величество, когда все эти труды должны быть сданы на проверку? — робко спросила одна из наложниц.

— Не спешите. На исследования у вас есть несколько лет, и если возникнут какие-то вопросы, вы всегда можете написать мне об этом письме, — Ю Цун унял свои метущиеся мысли и мягко произнес: — После наступления Нового года я с головой уйду в великие государственные дела, и в будние дни мне вряд ли удастся часто заглядывать в гарем, но время на то, чтобы читать письма и отвечать на них, у меня непременно найдется.

— Запомните главное: под всеми написанными и составленными вами исследовательскими статьями вы должны ставить свои собственные имена, чтобы мы могли вести учет заслуг и назначать дополнительные награды.

Даже женщина способна в полной мере проявить свои таланты и воплотить в жизнь самые амбициозные помыслы.

Точные науки и медицина все еще находились на стадии подготовки и планирования.

Глядя на этих молодых девушек, Ю Цун вдруг почувствовал легкую волну жалости в сердце.

Ради императорского величия он не мог просто так отпустить их из дворца и позволить выйти замуж во второй раз, но в дальнейшем, когда все системные дисциплины будут окончательно выстроены, можно будет культивировать в них их собственные интересы и увлечения.

Пусть это станет своего рода искуплением совести — тем небольшое, что он в силах сделать.

Господин Лу всё еще не вернулся.

Император сладко зевнул, сидя на драконьем троне, и вспомнил еще об одном важном деле.

Всеобщее физкультурное движение, о котором он недавно мечтал в своих фантазиях, кажется, так до сих пор толком и не набрало популярности.

Ю Цун извлек свой блокнотик и аккуратно записал этот должок.

Как только Чжишэнтам будет достроен, надо будет отправить туда господина Лу с показательными выступлениями для продвижения масс.

Если простой народ увидит столь подтянутую фигуру господина Лу, это сработает лучше любой рекламной кампании.

К слову сказать, стоило трем новым указам вступить в силу, как Чжан Цун тут же забил тревогу и являлся к нему три раза подряд, но во всех трех случаях император завернул его назад.

Ю Цун прекрасно понимал, что подобные действия в обход установленного порядка — дело довольно рискованное, однако он уже подготовил план на случай неудачи.

Если Чжан Цун осмелится открыто взбунтоваться и поднять бучу, он попросту сбросит его вместе с Гуй Э, конфискует имущество в казну, а наверх выдвинет пока еще никому не известного Ся Яня.

Шутки в сторону, в конце концов, он ведь человек, которому известны все сюжетные спойлеры от начала и до конца.

Господин Чжао трудился в поте лица, так что применять к нему жестокие наказания не стоило, но если он вздумает идти против его воли — его просто отправят доживать век в родные пенаты.

Подперев рукой подбородок, Ю Цун размышлял об этом с абсолютно спокойным и невозмутимым выражением лица.

Он не обладал той кровожадностью, что была свойственна прежнему хозяину тела, но за несколько месяцев пребывания на императорском троне уяснил для себя одну простую истину.

Нынешняя страна находится в периоде абсолютистского самодержавного правления.

Если монаршая автократия перестанет защищаться, воцарится полнейший разлад сверху донизу и все погрузится в хаос.

Даже не будучи до конца уверенным в собственных силах, он был обязан сжав зубы оставаться самым верховным и абсолютным властелином в этой стране.

У любого, кто попытается сбросить его с этого божественного пьедестала, есть лишь один путь — на плаху.

— Абсолютная монархия позволяет управлять государственной властью посредством личной воли правителя, добиваясь максимального воплощения своих личных желаний.

Даже если эти желания лежат в русле безудержного разгула и праздности, суть от этого не меняется.

Ю Цун не то чтобы совсем не задумывался о демократии, парламентской системе и прочих подобных вещах.

Но в данный момент, в эту самую секунду, он здесь единственный пришелец из другого мира.

И его главное превосходство кроется не столько в багаже знаний, сколько в кристально ясном понимании самих институтов и концепций власти.

Лишь удерживая в своих руках эту нефритовую печать, шаг за шагом направляя страну на правильный путь и пуская все материальные и человеческие ресурсы на то, чтобы возвеличить Великую Мин, он сможет добиться непревзойденного процветания.

Янь Ицин ожидал в боковой зале, когда евнух Хуан вышел из покоев и знаком показал, что можно входить на аудиенцию.

Император уже выпрямился, слегка поджав губы, и мимолетным знаком разрешил старому сановнику не кланяться и занять кресло.

Старик мысленно взвешивал холодный прием, оказанный вернувшемуся в столицу Янь Шэню, однако речь завел с доклада по текущим делам, представленным Внутренним кабинетом. Его голос звучал ровно и бесстрастно, словно он пришел лишь для того, чтобы отчитаться о рутинной работе.

Император молча выслушал его до конца и вдруг произнес:

— «Синие терема уносят души румянцев алых, дневной свет озаряет кости в зеленом мху» — кому принадлежат эти строки?

<http://bllate.org/book/20063/1984654>